

ДИСКУРС-АНАЛИЗ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам взаимодействия лексической семантики и концептуальных доминант общественно значимого дискурса. Предметом исследования служит процесс семантического и функционального развития лексических единиц морально-этической сферы в рамках средневекового западно-христианского дискурса.

Ключевые слова: лексическая семантика; историческое развитие; религиозный дискурс, морально-этическая сфера.

Abstract. This article is devoted to the problems of interaction between lexical semantics and conceptual dominants of the socially significant discourse. The investigation centres on the semantic and functional development of moral-ethical lexis in the West European medieval religious discourse.

Keywords: lexical semantics; historical development; religious discourse; moral-ethical sphere.

В рамках общей теории развития языка особое внимание всегда уделялось вопросам, связанным с изучением эволюции лексических единиц. Подобные исследования часто рассматриваются в качестве ключевых для системного познания языка в целом, поскольку многие процессы в лексике по своим принципам являются универсальными, изоморфными соответствующим процессам развития морфологических и синтаксических единиц. Кроме того, данные процессы представлены в лексике в наиболее эксплицитном, наиболее доступном для наблюдения и исследования виде и наиболее массово.

Последнее обстоятельство обусловлено в первую очередь тем, что лексика, как хорошо известно, представляет собой наиболее подвижную часть языка, постоянно обновляющуюся и быстро реагирующую на все происходящие в обществе изменения социального и культурного характера. На способность лексических единиц к постоянному обновлению и модификации указывают многие исследователи. «Слово то и дело погружается в какой-то новый контекст и выходит из него преобразенным» [1, с. 30]. «В каждом акте речи заново воссоздается отношение номинации между означаемым и означающим. Здесь возможны малозаметные сдвиги, которые с течением времени могут привести к существенным семантическим изменениям» [2, с. 100]. При любом типе процесса любой сдвиг – и формальный, и семантический – начинается в узусе, в живом употреблении» [3, с. 16].

Из приведенных и подобных им высказываний можно сделать вывод о том, что хотя не все имеющие место в речи модификации с течением времени закрепляются в системе языка, но именно в речи в качестве сдвига сначала должно реализовываться любое изменение в системе.

Поэтому представляется вполне закономерным, что в последнее время при изучении исторических изменений смысловой структуры лексем все чаще используется дискурс-анализ, задачей которого является исследование «устной и письменной языковой коммуникации, протекающей в нормальных, естественных условиях» [4, с. 155–156]. Реализация подобной задачи требует

обращения не только к собственно лингвистическим контекстам, но и к тем фрагментам социальной действительности, в рамках которых и обнаруживает себя проявление языка в действии. Это объясняется природой самого дискурса, который представляет особую форму употребления языка для выражения особой ментальности, соотносящейся с определенным видом социальной активности людей, с ее целями и назначением.

Поэтому использование дискурс-анализа и дает возможность исследовать собственно лингвистические механизмы исторических изменений смысловой структуры лексических единиц в неразрывном единстве с их глубинными причинами. Последние, как известно, по большей части лежат вне пределов самого языка, в экстралингвистической действительности, в постоянно изменяющихся потребностях в сфере коммуникации и познавательно-мыслительной деятельности человека.

Эти потребности, безусловно, носят конкретно-исторический характер и самым непосредственным образом связаны со свойственной каждой эпохе преимущественной ориентацией на те или иные области духовной и материальной жизни общества. В свою очередь это находит отражение в присущей каждому хронологическому периоду ценностной иерархии дискурсов и составляющих их жанров.

Между тем до недавнего времени широко была распространена точка зрения, согласно которой «термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [5, с. 136–137]. По этому поводу Е. С. Кубрякова специально отмечает, что «данное положение нуждается в некоторой оговорке: так, исследуя, например, речи Цицерона, можно сделать и некоторые заключения об их дискурсивных особенностях, т.е. особенностях использования языка в поставленных им целях и в определенном историческом контексте. Иначе говоря, мы ставим себя в положение исследователя, который наблюдает за развитием логики, делает свои заключения о выборе средств для решения возникающих задач и в этом смысле восстанавливает ход протекания деятельности, которая в обычном случае наблюдаема непосредственно» [6, с. 527].

Сходное мнение высказывает, например, и С. В. Коневская в своей статье «Дискурс и жанр в диахроническом исследовании». На основании результатов изучения произведений древнерусской словесности автор приходит, в частности, к выводу о том, что для большинства древних текстов вполне возможно определить такие важнейшие в практике дискурс-анализа факторы, как адресат (для кого текст предназначен), назначение (для чего текст предназначен) и статус автора (по отношению к тексту и читателю). Иными словами, можно установить, кто, что, для кого, при каких обстоятельствах и с какой целью создавал письменные памятники. Причем в подобных случаях следует, по-видимому, исследовать характеристики не отдельных текстов, а определенного жанрового ряда (или его разновидностей), который является частью того или иного дискурса, уточняя и конкретизируя специфические для него цели коммуникации [7, с. 265].

Правомерность такого подхода обусловлена в первую очередь тем, что в рассматриваемую эпоху границы между отдельными жанрами носили, как правило, очень четкий характер, а связь жанра с содержанием текста была очевидной и легко выводимой. Это во многом обусловлено тем, что авторы

средневековых сочинений строго следовали канонам жанра и были преимущественно ориентированы на следование определенным образцам, а не на самовыражение и создание принципиально нового.

Все жития, например, писались с позиций человека, владеющего абсолютно достоверной информацией, чтобы прославить святого и дать христианину достойный пример. Что касается хождений, то они все писались от первого лица (тем или теми, кто «ходил») о местах, где не бывал читатель, для того, чтобы рассказать о них тем, кто там, может быть, и не побывает.

Все сказанное выше можно отнести и к средневековому западно-христианскому дискурсу, и в частности к текстам морально-нравственной направленности, широкое распространение которых приходится на XIII–XV вв. Речь здесь идет о собраниях проповедей, морально-нравоучительных трактатах, религиозно-дидактических поэмах, различного рода наставлениях и руководствах по подготовке к таинству исповеди и т.д. Подобные сочинения, которые предназначались для самых широких масс населения и создавались, как правило, не на латыни, а на родных для мирян языках и диалектах, не отличались разнообразием ни с точки зрения самого содержания, ни с точки зрения языковых средств его реализации.

Их авторы, в соответствии со средневековым представлением об этике как о пути различения добродетели и порока, стремились в первую очередь дать тщательное разъяснение сущности того или иного греха или порока, чтобы внушить верующим отвращение к ним и желание бежать от них. Этим же целям служило и указание на страдания и мучения, которые испытывают после окончания земной жизни души нераскаявшихся грешников. Большое внимание уделялось также описанию тех добродетелей, которые при помощи Бога позволяют человеку противостоять греху и служат надежным «лекарством» против него. Все это обычно заканчивалось призывом покаяться в грехах, полностью предоставив себя Божьему милосердию.

Так, грех *зависть* средневековые авторы вслед за Блаженным Августином традиционно определяют как *горе и раздражение от блага и благоденствия ближних и радость при виде их несчастий*. От *зависти* происходят *злословие, клевета, вражда, злоба, ожесточение сердца*. Основное средство против данного греха – это *любовь к Богу и любовь к ближнему*. *Любовь* – то лекарство, которое изгоняет яд зависти из сердца человека.

Пожалуй, в наибольшей степени отпечаток эпохи несут на себе фрагменты, посвященные греху *леность*, под которым в средневековом религиозном дискурсе подразумевалось, прежде всего, состояние *душевной апатии, безразличия, уныния*. Это состояние мешало человеку предаваться делам благочестия, и в первую очередь – молитве, не позволяло должным образом служить Богу и ближним. Поэтому самым надежным противоядием здесь признавались такие добродетели, как *милосердие, духовная радость и крепость духа*.

Подобные тематические блоки, относительно самостоятельные в смысловом плане и регулярно воспроизводимые, несомненно, облегчали как процесс восприятия, так и процесс запоминания заложенной в тексте информации. В свою очередь это способствовало более эффективному воздействию этой информации на читателей или слушателей и тем самым способствовало «вживлению» в общественное сознание определенных морально-нравственных ценностей, установок и норм поведения.

Для этого требовалась также и как можно более точная и адекватная передача ключевых для подобных текстовых фрагментов понятий и значений. В силу специфики содержания рассматриваемых произведений сказанное относится, прежде всего, к лексическим единицам морально-этической сферы, и в частности к абстрактным именам существительным, служившим наименованиями различных добродетелей и пороков: *милосердие, благоразумие, смирение, кротость, зависть, алчность, злословие, похоть, уныние, чревоугодие* и т.п.

Между тем известно, что на предшествующих ступенях развития большинства западноевропейских языков абстрактные лексические единицы в них отличались, как правило, крайне общим недифференцированным, т.е. диффузным характером. Причем иногда в их смысловой структуре могли совмещаться понятия, которые редко или почти никогда не совмещаются в семантике современных слов [8, с. 138–139].

В качестве иллюстрации можно привести древнеисландскую лексему *reiðr*. В зависимости от контекста, она могла передавать такие значения, как *гневный, рассерженный*, с одной стороны, и *печальный*, с другой. Сходным образом и родственное по происхождению древнесаксонское прилагательное *wrað* – это *печальный, гневный, враждебный*. Подобного рода явление встречаем и за пределами германской группы языков, поскольку о возможности совмещения в средневековом сознании понятий *печаль* и *гнев* свидетельствует и старофранцузское существительное *ire*.

В ряде случаев можно также наблюдать, как в значении древних лексем совмещаются довольно близкие, но все-таки различные для современного языкового сознания понятия. Это имело место и в отношении древнеисландского отвлеченного имени *hugr*, которое способно было представлять внутреннюю духовную и интеллектуальную жизнь человека во всех ее проявлениях, поскольку обладало комплексом значений: *душа, ум, желание, мужество, нрав* и т.п. [9, с. 92].

Изучая процесс эволюции семантики абстрактных лексем в испанском языке, Т. Б. Алисова приходит к выводу, что многие понятия, выраженные в современном языке однозначным (или почти однозначным) словом, в староиспанском передавались одним из значений многозначного слова. Существительное *fe*, например, которое в староиспанском включало в свою смысловую структуру ряд значений – *вера, доверие, порука*, к настоящему времени сохранило только первое из них (*вера*). Другие значения, присущие данному слову на более ранних этапах его развития, в современном испанском языке передаются с помощью лексем *fidelidad* (*верность, преданность*), *confianza* (*доверие*), *fianza* (*поручительство, порука*) [10, с. 23–24].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что многозначность древних лексем, по мнению некоторых исследователей, обусловлена, прежде всего, недостаточным уровнем обобщения, их семантика – это еще какой-то континуум, конкретизация которого зависит от контекста и ситуации в каждом отдельном случае. Поэтому средневековый религиозный дискурс не только тщательно отбирал лексические единицы морально-этической сферы из общеупотребительного словарного фонда, к которому они принадлежали, но и активно приспособливал их к характерным для него целям и условиям коммуникации, модифицируя их смысловую структуру.

Следует подчеркнуть, что одним из основных направлений подобных модификаций была тенденция к дифференциации, специализации значения единиц рассматриваемого слоя лексики за счет появления в их смысловой структуре ряда уточняющих, конкретизирующих сем. В основе этого, как показывает опыт исследований, лежало регулярное функционирование изучаемых лексем в типовых для них, в рамках религиозного дискурса, контекстах употребления, которым был присущ определенный набор постоянно воспроизводимых (хотя, разумеется, и с некоторыми вариациями) ассоциативных, тематических и лексико-семантических связей. В данной тенденции, по-видимому, находили свое отражение закономерности, связанные с развитием в изучаемую эпоху как языка в целом, так и с развитием самого религиозного дискурса.

Наглядным примером здесь может служить эволюция семантики среднеанглийского абстрактного существительного *coveitise* (*жадность, алчность, скупость*, совр. англ. *covetousness*), которое было заимствовано из французского языка приблизительно в конце XII в. Первоначально оно использовалось для обозначения таких широких понятий, как *желание, страсть, стремление к чему-то*, и сочеталось с лексическими единицами разнообразной семантики [11, с. 93–99]. В средневековых английских текстах различной жанровой и дискурсной принадлежности можно встретить словосочетания типа: *flecshli coveitise* (*плотское желание, вожделение*), *coveitise of wisdom* (*стремление к знанию, мудрости*), *covetise of lordship* (*стремление к власти, жажда власти*), *covetyse of ryches* (*стремление к богатству, жажда богатства*), *coueytise of þe spyrite* (*духовные устремления, духовная жажда*).

Дальнейшее развитие смысловой структуры существительного *coveitise* было во многом обусловлено его функционированием в контекстах, связанных с темой *семи смертных грехов*, в которых оно использовалось в качестве наименования греха *алчности (жадности)*. Это вело к сужению понятийной соотнесенности лексемы и к появлению у нее такого специализированного значения, как *неудержимое стремление к богатству, к материальным благам, неумеренная любовь к ним*.

The fyfte dedly synnes *couetyse*, and þat es, ane *vn-mesurabill luffe to hafe erthely gudes*; and it destroyes & blyndes manes herte. And þare-of commes tresones, False athes, wykked reste, Malice, and hardnes of herte agaynes mercy [12, p. 25].

В силу особой социальной значимости для средневекового общества подобного рода контекстов характерное для них значение существительного *coveitise* получает широкое распространение и за пределами религиозного дискурса, а со временем закрепляется в качестве основного и в языковом узусе. Сужение функций рассматриваемой лексемы сопровождалось появлением у нее ингерентной отрицательной морально-нравственной окраски, которая была ей ранее свойственна только в определенном контекстном окружении.

Семантико-функциональное развитие лексемы *coveitise* эксплицирует, на наш взгляд, общий механизм взаимодействия лексической семантики и концептуальных доминант общественно значимого дискурса. Поэтому представляется, что одной из основных задач дискурс-анализа на диахроническом уровне является изучение тематически ограниченных, но важных в социальном плане и регулярно воспроизводимых групп контекстов, связанных с теми первоначальными сдвигами, которые впоследствии приводят к изменениям в

семантической структуре лексических единиц. Привлечение же широкого круга релевантных социальных и культурно-исторических факторов дает возможность выявить те изменения в условиях и потребностях коммуникации, которые послужили импульсом к подобным сдвигам.

Все изложенное в целом согласуется с традиционным положением о том, что «объектом лексикологии, строго говоря, является не слово, а тексты, в которых мы вычленим искомое слово и путем широкого сопоставления большого количества текстов изучаем те изменения, которые происходят в его знаковой (звуковой) и в его смысловой стороне». Ср.: «Слово в контексте, слово, всесторонне изученное в отношении его внешней и внутренней формы, приобретает особенно большое значение в современной исторической лексикологии» [2, с. 25].

Стоит, однако, отметить, что во многих работах, посвященных исследованию эволюции значения лексических единиц, в центре внимания оказывается, главным образом, контекст синтаксической конструкции, в пределах которой слово реализует свои лексические и синтаксические связи. При этом основу преобразований семантической структуры слов обычно видят в изменении их лексической и грамматической сочетаемости.

Подобный подход, безусловно, играет весьма важную роль в изучении лингвистических механизмов исторического развития лексики. Вместе с тем подчеркнем, что речь здесь идет именно о конкретных лингвистических механизмах этих преобразований, а не об их глубинных причинах, которые способны вскрывать выявляемые в ходе дискурса-анализа тематические контексты, объединенные как общностью содержания, так и общими дискурсивными признаками.

В целом применение дискурса-анализа, разумеется, не исключает использование традиционных методов в области диахронической лексической семантики, а дополняет их. Несомненно также и то, что дискурсно ориентированные диахронные исследования играют важную роль в изучении природы самого дискурса, который, являясь «детисцем своего времени», характеризуется культурно-историческим своеобразием и обусловленной этим фактором лингвистической спецификой.

Список литературы

1. **Падучева, Е. В.** Глаголы создания образа: лексическое значение и семантическая деривация / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 30–46.
2. **Бородина, М. А.** К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале лексики французского языка) / М. А. Бородина, В. Г. Гак. – Л.: Наука, Ленингр. отд.-е, 1979. – 232 с.
3. **Лаптева, О.** Самоорганизация движения языка: внутренние источники преобразований / О. Лаптева // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 15–29.
4. **Макаров, М. Л.** Диалог с целью принятия решения. Опыт дискурсивной психологии / М. Л. Макаров // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 153–162.
5. **Арутюнова, Н. Д.** Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 136–137.
6. **Кубрякова, Е. С.** Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
7. **Конявская, С. В.** Дискурс и жанр в диахроническом исследовании / С. В. Конявская // Жанры и формы в письменной культуре Средневековья. – М., 2005. – С. 261–269.

8. **Гвоздецкая, Н. Ю.** К проблеме выделения «имен чувств» в языке древнегерманского эпоса (на материале «Беовульфа» и «Старшей Эдды») / Н. Ю. Гвоздецкая // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 138–139.
9. **Стеблин-Каменский, М. И.** Миф / М. И. Стеблин-Каменский. – Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1976. – 104 с.
10. **Алисова, Т. Б.** Некоторые закономерности в процессе изменения значения слов и совершенствования словаря (на материале испанского языка) / Т. Б. Алисова // Словарный состав и грамматический строй языка. – М., 1956. – С. 16–26. – (Учен. зап. 1-го МГПИИЯ; т. 9).
11. **Колокольникова, М. Ю.** Семантическое и функциональное развитие лексем *coveitise* и *avarice* в английском религиозном дискурсе XIII–XV вв. / М. Ю. Колокольникова // Германская филология : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 2008. – Вып. 3. – С. 93–99.
12. Religious pieces in prose and verse / ed. G. G. Perry. – Oxford : Oxford University Press, 1914. – 65 p.

Колокольникова Марина Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра английской филологии,
Институт филологии и журналистики,
Саратовский государственный
университет

E-mail: marinaugustina@mail.ru

Kolokolnikova Marina Yuryevna
Candidate of philological sciences,
associate professor, sub-department
of English philology, Institute of Philology
and Journalism, Saratov State University

УДК 811.1'04'37

Колокольникова, М. Ю.

Дискурс-анализ в диахроническом исследовании лексической семантики / М. Ю. Колокольникова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 1 (13). – С. 106–112.